

*Никогда еще не совершал ничего
великого человек, не одушевленный
страстной преданностью.*

Н. Чернышевский

Глава 1

Виктория открыла глаза и резко зажмурилась — такое ощущение, будто в лицо направили мощный прожектор. «Чертово солнце», — застонала она, ругая себя за то, что с вечера забыла задернуть шторы. Она вскочила с кровати, закрыла их и снова улеглась, уткнув лицо в подушку, в надежде еще немного поспать. Но закон подлости никто не отменял. Сон как ветром дуло. Виктория перевернулась на спину и уставилась на хрустальные подвески люстры. Даже в отсутствие солнечного света они переливались и блестели сверкающими льдинками. «Как то платье», — подумала она, и эта мысль заставила вновь подорваться с постели. Она взяла телефон с тумбочки и глянула на время: на часах было восемь утра. «Значит, предки еще должны быть дома».

Она накинула поверх крохотной пижамы длинный шелковый халат молочного цвета и, на ходу завязывая его, пулей вылетела из комнаты. Пробегая мимо родительской спальни, на секунду задержалась, приложила ухо к двери, но, не услышав никаких звуков, понеслась к лестнице, ведущей на первый этаж. Гладкий мрамор приятно холодила босые ноги, пока она отсчитывала

тридцать ступеней. Виктория пересекла холл размером с городскую площадь и направилась в гостиную, где в торце большого обеденного стола, возвышаясь над ним, как гора Маттерхорн, восседал отец. Он был одет привычно — темный костюм, светлая рубашка и галстук. «Ну а куда без него?» Вперив взгляд в смартфон, отец звучно прихлебывал чай из белоснежной кружки. Мать же сидела на своем положенном месте — справа от него. Подперев голову рукой, она в задумчивости гоняла маленькой серебряной вилочкой по изящной тарелочке кусочек запеканки. В голубой блузке с отложным воротником и с уложенными в низкий пучок темно-каштановыми волосами она напоминала училку.

«Еще бы очки напялила», — мысленно фыркнула Виктория и, подойдя к столу, выпалила:

— Ма, ты купила мне платье?

Родители оторвали взгляды от своих занятий и уставились на нее. Мать только открыла рот, собираясь что-то сказать, но отец опередил ее.

— Дочь, ты ли это? — с улыбкой воскликнул Александр Владимирович, отложив телефон в сторону. Он сделал очередной глоток, довольно крякнул и поставил чашку на блюдце. — Здравствуй, дорогая. А ты чего сегодня так рано? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, пошутил: — Сдается мне, что в нашем лесу умер самый большой медведь.

Демонстративно проигнорировав его приветствие, Виктория снова обратилась к матери. Та положила вилку на тарелку и, отодвинув ее от себя, с укором посмотрела на дочь.

— Вика, во-первых, здравствуй, — сказала она, — ты разве не слышала, что отец с тобой поздоровался? А во-вторых...

— А во-вторых, — раздраженно перебила Виктория. Она с вызовом подбоченилась, сверля ее зелеными глазами.

Смартфон главы семейства издал сигнал входящего сообщения, и он снова уткнулся в него, — ему сейчас не до моих приветствий. — Она с ухмылкой кивнула на отца и снова уставилась на мать. — Я задала тебе вопрос, отвечай.

Мать стиснула зубы, закрыла и снова открыла глаза.

— Нет, не купила, — ответила она, — его уже кто-то выкупил.

— Что? — Виктория сморщилась, как печеное яблоко. — Как это выкупил? Кто? Да я... я же хот...

— Понимаешь, дочь, кто-то внес за него залог, — оборвала ее мать. — Иногда такое случается. Продавец сказала, что не может подвести клиента и продать платье другим людям, — постаралась спокойно объяснить она.

Отец вынырнул из гаджета, вернул его на стол и, обведя хмурым взглядом жену и дочь, спросил:

— Девочки, из-за чего сыр-бор? — Он посмотрел на дочь. — Малышка, что за проблема?

— Проблема в том, что... — Виктория помотала головой, отчего темные волосы заколыхались, будто колосья в поле. — Я увидела в «Галерее» платье для выпускного и попросила ее, — она кивнула на мать, — купить его, а она теперь заявляет, что кто-то внес за него какой-то дурацкий залог.

— Господи, дочка, мне бы твои заботы, — усмехнулся отец и невольно закатил глаза. — Викуся, на этом свете нет ничего незаменимого. Не купили это платье, так купим другое, еще лучше.

— Мне не нужно другое! — Виктория топнула ногой, как обиженная маленькая девочка. — Я хочу это платье — и точка! — Она обвела недовольным взглядом родителей и, тыкая в них пальцем поочередно, ультимативно заявила: — Если вы мне его не купите, тогда я не пойду на ваш чертов выпускной. Без этого платья он мне триста лет не нужен. Идите туда сами.

— Детка, да не шуми ты так. — Отец выставил вперед ладонь, затем посмотрел на жену и спросил: — Оль, ты можешь нормально объяснить, что произошло?

— Ну а что тут объяснять? — хмыкнула она. — Когда Вика увидела платье, оно еще было в продаже. Она позвонила мне и попросила купить его. Я заехала после работы, но платье уже кто-то выкупил. Не буду же я воевать с продавцами за какую-то тряпку? — Она дернула плечами.

— Тогда заплатите продавцу больше, чем оно стоит, — быстро нашлась Виктория. — У вас что, денег нет? — воскликнула она и, посмотрев на отца, состроила жалкую гримасу. — Папуль, ты же не последний человек в городе, сделай что-нибудь.

— Малышка, сдалось тебе это платье? — Он досадливо скривился. — Хочешь, слетаем на выходные в Москву или в Милан — да хоть в Нью-Йорк — и купим тебе любое платье, какое только захочешь. Или даже два, а к ним еще какие-нибудь модные туфли и сумочки. Ты же любишь это дело.

— Не нужно мне другое! — закричала Виктория, от злости сжав кулаки. — Я хочу только это!

Семейную «идиллию» нарушила домработница, вошедшая в столовую с подносом, на котором стояла тарелка с красиво нарезанными фруктами и две вазочки на тонких ножках с ягодным желе. Поверх ее светло-серого платья красовался накрахмаленный белоснежный передник. Ее темные с проседью волосы, собранные в замысловатую прическу на затылке, полноватая фигура и ослабшая кожа век выдавали возраст. Проходя мимо Виктории, она остановилась рядом и приветливо улыбнулась.

— Доброе утро, Виктория Александровна. Что желаете на завтрак?

— Чего? — Она повернула голову и уставилась на нее, как на туземку. — Ты разве не видишь, что я общаюсь с родителями? Кто тебе позволил вмешиваться в разговор?

— Ой, простите, — смутилась женщина и принялась оправдываться: — Я всего лишь хотела узнать, что вам приготовить.

— Да он мне на фиг не нужен, твой завтрак! — в бешенстве заверещала Виктория и со всей дури врезала рукой снизу по подносу. Тот взмыл вверх вместе с тарелкой и вазочками, они сделали в воздухе тройное сальто, после чего приземлились на пол. Посуда разлетелась вдребезги, а серебряный поднос, со звоном описав круг, накрыл собой разноцветное месиво из фарфора, стекла, фруктов и желе. Домработница ахнула, прикрыв рот рукой, и замерла в оцепенении. За годы работы в этом доме она не раз попадала под горячую руку взбалмошной «царевны», как она мысленно называла ее, но подобное случилось впервые.

— Вика, ты что творишь? — от неожиданности вскрикнула мать и грохнула ладонью по столу, отчего зазвенела посуда. — Извинись немедленно!

— Ага, разбежалась, — хмыкнула Виктория. — В общем, так, уважаемые старики, или это платье, или я никуда не иду, — категорично заявила она и вылетела из столовой.

— Дочь, вернись сейчас же, — потребовал отец.

Но упрямая девчонка и не думала подчиняться. Отец цокнул языком от досады, поднялся из-за стола и, засунув мобильный в карман пиджака, направился следом. Проходя мимо потерянной домработницы, он бросил «простите» и едва заметно кивнул головой. Ничего другого она от него и не ждала. Извиниться по-человечески — не царское это дело. Проводив его взглядом, женщина тяжело вздохнула, осмотрела место происшествия и удалилась на кухню. Пока она ходила за метлой, совком и тряпкой, мать, потрясенная очередной выходкой дочери, сидела за столом, обхватив голову руками. Как же ей хотелось подняться в ее комнату и устроить нагоняй. Но она сдержала себя, предоставив эту возможность мужу. Хотя прекрасно понимала, что толку не будет. Именно его она

винила в плохом воспитании дочери. «Разбаловал до неприличия, а теперь собирай ягоды», — горько усмехнулась она. Взгляд упал на недоеденную запеканку. Аппетита и раньше не было, а теперь и вовсе — как бабка отшептала. В желудке было пусто, он постоянно сжимался, словно от прыжка с высоты, но не от голода, а из-за стыда за собственную дочь...

Увидев вернувшуюся в столовую домработницу, мать вышла из-за стола и принялась извиняться:

— Валентина, ради бога, простите нас, — она приложила руку к груди, — мне так неудобно перед вами, прямо хочется сквозь землю провалиться, — призналась она. — Вы, наверное, тоже заметили, что Вика в последнее время совсем неуправляемая стала? — Зачем-то задала женщина очевидный вопрос. Как же домработница могла этого не заметить, если Виктория росла на ее глазах.

— Ольга Юрьевна, да они все такие, — по-доброму усмехнулась Валентина, сгребая метелкой последствия девичьей истерики. — Я как вспомню себя в молодости, — она покачала головой, — до сих пор стыдно. Чуть что — сразу вспыхивала как спичка. Вы не переживайте, с возрастом все пройдет.

По ее ответу мать поняла, что Валентина не держит зла на Викторию, и, облегченно вздохнув, сказала:

— Дай-то бог...

Отец застал Викторию лежащей на кровати спиной к двери. Ее темно-каштановые локоны рассыпались по нежно-розовой атласной подушке. Он присел рядом и ласково погладил дочь по голове.

— Малышка, ну что ты так рвешь сердце из-за какой-то тряпки? — улыбнулся отец. — Ты хочешь именно это платье? — спросил он, заранее зная ответ.

— Да! — выпалила она и резко села на кровати.

Теперь волосы упали ей на плечи, щеки покраснелись, а глаза заблестели от непролитых слез.

— Ну раз хочешь, тогда придется купить его. — Он подмигнул ей и спросил: — Где, ты говоришь, оно продается?

— В «Галерее», — заулыбалась Виктория и от радости хлопнула в ладоши.

От той злюки, какой она была в гостинной, не осталось и следа.

— Понял. — На его волевом лице с густыми бровями горели пронзительные глаза, которые сейчас искрились смехом. — Ты только не бузи, ладно? — Он шутливо пригрозил ей пальцем, и Виктория согласно кивнула. — На выпускной нужно идти обязательно, а то нас неправильно поймут. Ваш директор пригласил меня поздравить вас с окончанием школы. Будет неправильно, если я буду там, а ты — нет. Ты только представь, какие потом слухи поползут.

— Хорошо, пап, я пойду, — согласилась Виктория и выдвинула условие: — Но только если буду в том платье.

— Ну что мне с тобой делать? — вздохнул отец. — Какая же ты у меня упертая. — Он игриво щелкнул ее по кончику носа и раскрыл свои объятия. — Иди ко мне.

Она взвизгнула, как щенок, и повисла на его шее.

— Ладно, дочь, мне пора на работу. — Он встал и поправил пиджак. — Готовься вечером примерять свое платье. — Он снова подмигнул ей и вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Виктория упала на спину, раскинув руки в стороны, как морская звезда и, глядя в потолок с улыбкой от уха до уха, произнесла: «Что и требовалось доказать, папуля».

Так сложилось, что она была единственным ребенком в семье, хотя отец мечтал еще и о сыне. Но раз уж так вышло, всю свою любовь он отдавал дочери. Жена не раз упрекала его, мол, это до добра не доведет. Но по-другому он не мог. Он был из тех отцов, которые души не чаяли

в своих отпрысках и готовы были исполнить любой каприз. Захочет кусочек Луны — да не вопрос.

Когда Александр Владимирович вернулся в гостиную, Ольга Юрьевна стояла у окна, обхватив себя руками, и смотрела, как суетились во дворе садовники: подстригали кусты, поливали клумбы и подметали дорожки. Он окинул взглядом плавные изгибы ее бедер, обтянутые узкой юбкой. С годами ее фигура приобрела мягкую округлость, плавность линий, горделивую статью. Она по-прежнему притягивала взгляды мужчин. Других, но только не его. Александр Владимирович уже давно не чувствовал той страсти и пылкости, которая была в самом начале их семейной жизни.

Услышав его приближающиеся шаги, Ольга Юрьевна обернулась вполоборота и спросила:

— Ты объяснил ей, что так нельзя себя вести с людьми?

— Ну а для чего я, по-твоему, туда ходил? — не моргнув глазом, соврал Александр. Он подошел к ней, встал рядом и засунул руки в карманы брюк. Какое-то время они молча смотрели в окно на цветущий сад, где под порывами легкого ветра покачивались ветви яблоневых и вишневых деревьев, трепетали молодые сочные листочки, падали на зеленый ковер газона бело-розовые соцветия. Первым нарушил молчание Александр Владимирович, кивнув на рабочих:

— Ты смотри, как парни оригинально подстригли кусты. Они теперь похожи на шахматные фигуры.

— Саша, они их так стригут с того самого дня, как мы въехали в этот дом, — ухмыльнулась Ольга, она несколько не удивилась, что за все эти годы он впервые обратил на это внимание.

— А я только сейчас заметил, — признался он и, оттопырив нижнюю губу, довольно покачал головой. — Очень красиво, здорово. Надо дать команду, чтобы возле администрации тоже так подстригли.

— Там ты быстрее заметишь, — подначила Ольга Юрьевна и вернулась к прежнему разговору: — И что Вика сказала? Она хоть поняла, что некрасиво поступила?

— Надеюсь, что да, — уклончиво ответил Александр.

— Ты не представляешь, как мне неудобно перед Валентиной, — сказала она. — Я до сих пор не могу прийти в себя.

— Оля, неудобно спать на потолке, — отмахнулся он, — она домработница, в ее обязанности входит терпеть хозяйские заскоки.

— Но это неправильно. — Нахмурившись, Ольга Юрьевна посмотрела на него. — В любом случае мы должны оставаться людьми. — Она помолчала, громко вздохнув. — Наша дочь уже вроде взрослая девушка, а ведет себя, как избалованный ребенок. Я всегда говорила тебе, нельзя ей во всем потакать. Она не знает слова «нет».

— Оль, ты серьезно считаешь шестнадцатилетнюю девочку взрослым человеком? — Его левая бровь вопросительно дернулась вверх. — В том-то и дело, что она еще ребенок. С возрастом все пройдет. — Он один в один повторил слова домработницы. — Я до сих пор с содроганием вспоминаю свое нищее детство. Не хочу, чтобы и моя дочь в чем-то нуждалась. Она у меня одна, я хочу, чтобы у нее все было. Сейчас приеду на работу, дам помощникам задание, чтобы купили это чертово платье. — Он посмотрел на жену и спросил: — Оно хоть стоит того?

— Если тот клочок ткани можно назвать платьем... — Она дернула плечом, поскольку на этой фразе все эпитеты, способные охарактеризовать вещь, закончились.

— Понял, — усмехнулся Александр. — Ладно, Оль, поеду я. Водитель меня уже давно ждет, а мне сегодня никак нельзя опаздывать. В одиннадцать совещание назначено. Начальства из центра понаехало. — Он провел ребром ладони по горлу

и добавил: — Будь оно неладно. Тебя подбросить до работы? — спросил он.

— Нет, — замотала головой Ольга Юрьевна, — я сама доеду. Только можно я возьму какую-нибудь твою машину, просто моя в сервисе, ее сегодня вечером должны пригнать домой.

— Конечно, возьми, — улыбнулся он и дежурно чмокнул ее в щеку. — Где лежат ключи, ты знаешь, — напомнил он, прежде чем выйти из гостиной...

Глава 2

Несколько часов спустя

В комнате Виктории музыка гремела так, что, казалось, черно-белые фотографии с изображениями известных городов мира могли в любой момент сорваться со стен и рухнуть на пол. В кружевных шортах размером с гулькин нос и таком же топе, открывающем плоский живот, в туфлях на высоких каблуках, она с упоением отрывалась под трек Лоса Пеорле испанского диджея Сака Ноэля. Волосы ее развевались диким образом, а движения походили на языки пламени, которые по воле ветров изгибались в соблазнительном танце, бросаясь в стороны подобно разъяренному льву, царственно и бесстрашно.

Разве можно было за таким шумом услышать стук в дверь? Увидев на пороге домработницу с белой коробкой в руках, она вышла из танцевального транса и от неожиданности застыла на месте, уставившись на нее. Виктория уже и думать забыла об утреннем инциденте и лишь теперь мимолетно вспомнила о нем. Стыд на мгновение охватил ее, но извиняться она не собиралась. Вместо этого она подошла к комоду, где стояли колон-

ки, из которых теперь грохотал трек «I'm an albatraz», убрала звук и, обернувшись, спросила:

— Тебе чего?

— Виктория Александрова, извините, что вошла без приглашения, — сказала Валентина. — Я стучала, но вы не слышали. Вот, — она протянула коробку, — курьер просил передать вам лично в руки.

Абсолютно не стесняясь своего полууголого вида и демонстративно виляя бедрами, Виктория подошла к Валентине и, не забирая коробку из ее рук, открыла крышку, на которой красовалась ласкающая глаз золотая надпись Christian Dior.

— Могут же, когда хотят. — На ее блестящих, словно леденцы, губах заиграла победная улыбка.

Пошуршав бумагой, она выудила прозрачную полиэтиленовую упаковку, нетерпеливо разорвала ее зубами, вытащила то самое серебристое платье, а пакет кинула на пол. «Есть кому убрать». Умело балансируя на шпильках, Виктория продефилировала к большому зеркалу, выполнявшему роль зрителя во время танцев, и, приложив обновку к себе, кокетливо покрутилась из стороны в сторону.

— Теперь это мое любимое платье, — она довольно улыбнулась своему отражению.

Виктория так говорила всякий раз, когда в ее гардеробе появлялась новая вещь. Правда, в фаворитах она была до тех пор, пока ее место не занимала другая. Вспомнив о домработнице, Виктория тотчас перестала улыбаться. Она зыркнула на Валентину глазами и процедила сквозь зубы:

— Хватит паяться, клади коробку — и можешь быть свободна.

Валентина выполнила указание «царевны», подобрала с пола полиэтилен и вышла из комнаты. Закрыв за собой

дверь, она укоризненно покачала головой, тяжело вздохнула и направилась к лестнице.

Вскоре наша довольная героиня вприпрыжку спустилась по лестнице на первый этаж и направилась к выходу. Проходя мимо зеркала в прихожей, она задержалась на минутку, окинула себя взглядом и осталась довольна. В рваных джинсах, косухе и кедах на босу ногу она выглядела как хулиганка. Виктория сняла с запястья резинку, собрала волосы в высокий хвост и поправила пальчиком помаду. Еще раз осмотрела себя со всех сторон и, подмигнув отражению, пробормотала: «Очень даже симпатичная хулиганка». Чего-чего, а уверенности в себе ей было не занимать. Она только взялась за ручку, собираясь открыть дверь, как сзади раздался голос матери:

— Куда собралась, красавица?

«Черт, не успела». Виктория цокнула языком от досады и разочарованно закатила глаза.

— Поеду с Машкой погулять, — обернувшись, сообщила она.

— Вика, нам нужно поговорить, — сказала мать. — Пойдем в кабинет.

Виктория не сомневалась, что речь пойдет об учебе. А ей ох как не хотелось сейчас разговаривать на эту тему.

— Ну ма, давай в другой раз, — захныкала она жалобным голосом. — Меня ждут.

— Ничего, подождут. Я тебя надолго не задержу, — пообещала мать и кивнула головой, призывая следовать за ней.

Конечно, Виктория могла не подчиниться, но ей жуть как не хотелось, чтобы мать пожаловалась отцу. Ведь Виктория собиралась попросить у него деньги на очаровательные туфельки, которые тоже присмотрела в «Галерее». Согласитесь, негоже надевать новое платье под старые

